
Евгений Поздеев
Мертвая зона
18+

Евгений Поздеев

Мертвая зона

«Автор»
2026

Поздеев Е.

Мертвая зона / Е. Поздеев — «Автор», 2026

Она создала препарат, который убил мир. Она стёрла себе память, чтобы не помнить. Теперь она должна вспомнить — чтобы исправить.Кира была чистильщиком на Станции. Она ходила в Мёртвую зону, убивала заражённых и возвращалась живой. Она не помнила, кто она. Она не помнила, что сделала. Она не помнила, что создала препарат, который превратил людей в монстров.Однажды в Зоне она встречает «Венца» — огромного мутанта с человеческим лицом. Он называет её по имени. Он говорит, что ждал её десять лет. И он говорит, что она — ключ к правде, которую кто-то очень могущественный хочет похоронить навсегда.Теперь Кира идёт через Зону, через болота, через тоннели — к столице, где её ждут те, кто создал этот мир. И те, кто готов убить, чтобы он остался прежним.

© Поздеев Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Поздеев
Мертвая зона

Глава 1. Верес. Утро

Верес проснулся за час до рассвета.

Он всегда просыпался за час до рассвета. Это была привычка, которая осталась с тех пор, как он был лейтенантом. Тогда он просыпался, чтобы проверить посты. Теперь он просыпался, чтобы проверить бумаги. Бумаг было больше, чем постов. Бумаги были везде — на столе, на полках, на полу. Они лежали стопками, и стопки были неровными, и Верес знал, что если он дотронется до одной, она рассыплется.

Он сел на кровати и посмотрел на окно. За стеклом было темно. Стена была чёрной на фоне серого неба, и на ней горели прожекторы. Их свет был резким, белым, и в нём кружились мелкие насекомые. Верес смотрел на них и думал о том, что они бьются о стекло всю ночь. Они не знают, что за стеклом — смерть. Они просто хотят света.

Он встал. Кровать была старой, с металлической сеткой, и она скрипнула. Он надел куртку — ту же, что и вчера, и позавчера, и неделю назад. Куртка была грязной, и на ней были пятна, которые он не пытался оттереть. Он не помнил, когда стирал её в последний раз. Может, месяц назад. Может, два.

Он подошёл к столу и посмотрел на бумаги. Верхний лист был приказом. Он знал его наизусть. «Лейтенанту Вересу А. Н. Приказываю: субъект К. изолировать. Память стереть. Материалы Протокола 7 изъять. О случившемся не распространяться. Исполнение подтвердить лично. — Генерал-майор К. С. Орлов». Он смотрел на подпись долго. Потом отложил лист.

Он думал о том, что он делал это десять лет. Он подписывал приказы. Он отдавал распоряжения. Он убивал. Он заметал следы. Он делал это, потому что считал, что это нужно. Потому что считал, что это порядок. Потому что считал, что это единственный способ сохранить мир.

Он думал о том, что он ошибался. Он думал о том, что он всегда ошибался. Он думал о том, что он никогда не признавал этого. Даже себе. Особенно себе.

Он спустился в столовую, когда небо только начинало сереть. Столовая была в бывшем спортзале, и в ней пахло варёной крупой и мокрой штукатуркой. Крупа была серой, с комками, и её раздавали по ложке на человека. Верес взял миску и сел в углу, у окна. За окном была стена. На стене сидели голуби. Голуби были тощими и драчливыми, и они клевали что-то в трещинах.

К нему подсел Шульц. Капитан патруля был сухим, жилистым, с вечным недовольным лицом. Он служил под началом Вереса восемь лет и за это время ни разу не задал лишнего вопроса. На нём была форма, которая была ему велика, и сапоги, которые он не чистил.

— Товарищ полковник. — Шульц помолчал. — Патрули готовы. Смена в шесть.

Верес кивнул.

— Хорошо.

— Ещё одно. — Шульц помолчал. — Люди говорят о «Венце». Говорят, он видел его в Зоне. Говорят, он идёт к стене.

Верес поднял глаза.

— Кто говорит?

— Все. — Шульц пожал плечами. — Люди боятся.

Верес помолчал. Он думал о том, что люди всегда боятся. Он думал о том, что он тоже боится. Он думал о том, что он никогда не признается в этом.

— Это слухи, — сказал он. — Не обращай внимания.

Шульц посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Есть.

Он встал и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Верес вернулся в кабинет, когда солнце уже поднялось. Кабинет был на третьем этаже, в бывшей школе. Стол, карта, жёсткий стул. На столе стояла кружка с остывшим чаем, и от неё шёл лёгкий пар. Рядом лежала папка с бумагами и авторучка, из которой вытекла чернильная капля. Капля была чёрной, и она расползлась по бумаге, как маленькое пятно.

Он сел за стол и посмотрел на карту. Карта была старой, потрёпанной, и на сгибах она уже начала рваться. Он водил по ней пальцем, будто искал что-то, чего на карте не было. Он искал «Венца». Он искал его логово. Он искал способ остановить то, что началось.

Он думал о том, что он не знает, где «Венец». Он думал о том, что он не знает, что делать. Он думал о том, что он не знает, кому верить.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл капитан Власов. Он был молодым, высоким, с гладко зачёсанными волосами и вечной улыбкой. Он был одним из людей Аркадьева. Верес знал это. Он знал это с первого дня, когда Власов появился на Станции. Но он не мог его выгнать. Потому что Аркадьев был выше. Аркадьев был в столице. Аркадьев был везде.

— Товарищ полковник. — Власов остановился у стола. — Генерал Аркадьев хочет с вами поговорить.

Верес поднял глаза.

— Где он?

— В столице. Он ждёт на связи.

Верес встал. Он поправил куртку. Он посмотрел на карту. Потом на окно. Потом на Власова.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Он шёл по коридору и думал о том, что это конец. Он думал о том, что Аркадьев не прощает ошибок. Он думал о том, что его убьют. Он думал о том, что это неважно. Он думал о том, что Кира жива. Он думал о том, что она дойдёт. Он думал о том, что она расскажет правду.

Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать.

Он шёл по коридору и не оборачивался. Коридор был длинным, с низким потолком, и в нём пахло пылью и старой бумагой. Лампы на потолке горели не все, и между ними были тёмные промежутки. Он шёл через эти промежутки и думал о том, что он всегда шёл через промежутки. Всю жизнь. От одного приказа к другому. От одной бумаги к другой. От одной стены к другой.

Кабинет Аркадьева был в столице. Верес не видел его лично — только через экран. Экран был старым, с трещиной в углу, и изображение было мутным. Но Верес видел лицо Аркадьева — старое, с короткой стрижкой и морщинами. Он видел его глаза — холодные, серые. Он видел его руки — сухие, с длинными пальцами. Он знал, что он устал. Он знал, что он боится. Он знал, что он предал.

— Верес, — сказал Аркадьев. Голос был низким, ровным. — Доложи.

Верес вытянулся.

— Субъект К. вышла на вылазку. Она видела «Венца». Она вернулась. Она жива.

Аркадьев молчал. Долго. Потом сказал:

— Ты знал, что она жива?

Верес помолчал.

— Знал.

— Ты знал, что она — субъект?

— Знал.

— Ты знал, что она может вспомнить?

Верес помолчал снова.

— Знал.

Аркадьев смотрел на него. Его лицо не менялось. Но Верес чувствовал, как холод идёт по спине.

— Ты понимаешь, что ты натворил?

— Я пытался её защитить. — Верес говорил тихо. — Я пытался сохранить систему. Я пытался...

— Ты пытался. — Аркадьев перебил его. — Ты пытался. А она ушла. Она встретилась с «Венцом». Она узнала правду. И теперь она идёт в столицу.

Верес замер.

— В столицу?

— Она идёт к Соколовой. — Аркадьев помолчал. — Она хочет рассказать правду. Всем. И если она это сделает — всё рухнет.

Верес стоял неподвижно. Он думал о том, что Кира не просто ушла. Она идёт в столицу. Она идёт к Соколовой. Она хочет рассказать правду. Он думал о том, что она делает то, что он не смог.

— Что мне делать? — спросил он.

— Останови её. — Аркадьев смотрел на него. — Любой ценой.

Верес вернулся в кабинет к вечеру. Он сидел за столом и смотрел на бумаги. Приказы. Отчёты. Списки. Он знал их наизусть. Он читал их каждый вечер, будто надеялся, что в них что-то изменится. Но ничего не менялось.

Он думал о Кире. О том, как она смотрела на него. О том, как она сказала: «Ты не порядок. Ты просто ещё одна стена». Он знал, что она права. Он всегда знал.

Он думал о том, что она идёт в столицу. Что она хочет рассказать правду. Что она хочет остановить Соколову. Что она хочет сделать то, что он не смог.

Он думал о том, что если она это сделает — всё рухнет. Система. Порядок. Стена. И тогда начнётся хаос. Резня. Война всех против всех.

Он думал о том, что если он её остановит — она умрёт. И тогда он будет жить с этим. Как жил десять лет.

Он взял ручку. Посмотрел на чистый лист. И начал писать.

«Капитану Власову. Приказываю: найти субъект К. Задержать. Если будет сопротивляться — разрешаю применить силу. — Верес».

Он запечатал лист в конверт. Позвал дежурного.

— Отправить Власову. Срочно.

Дежурный кивнул и вышел. Конверт был в его руке, и он держал его так, будто это было что-то хрупкое.

Верес остался один. Он посмотрел на стену. Стена была бетонной, серой, и на ней было пятно — старое, тёмное, похожее на карту. Он смотрел на неё и думал о том, что он снова отдал приказ. Снова подписал бумагу. Снова стал стеной.

Он думал о том, что Кира, наверное, ненавидит его. Он думал о том, что она права. Он думал о том, что он заслужил это.

Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать. Может быть, это конец.

Глава 1. Верес. Утро

Верес проснулся за час до рассвета. Он всегда просыпался за час до рассвета — это была привычка, которая осталась с тех пор, как он был лейтенантом. Тогда он просыпался, чтобы проверить посты. Теперь он просыпался, чтобы проверить бумаги. Бумаг было больше, чем постов. Бумаги были везде — на столе, на полках, на полу. Они лежали стопками, и стопки были неровными, и Верес знал, что если он дотронется до одной, она рассыплется. Он сел на кровати и посмотрел на окно. За стеклом было темно. Стена была чёрной на фоне серого неба, и на ней горели прожекторы. Их свет был резким, белым, и в нём кружились мелкие насекомые. Верес смотрел на них и думал о том, что они бьются о стекло всю ночь. Они не знают, что за стеклом — смерть. Они просто хотят света. Он встал. Кровать была старой, с металлической сеткой, и она скрипнула. Он надел куртку — ту же, что и вчера, и позавчера, и неделю назад. Куртка была грязной, и на ней были пятна, которые он не пытался оттереть. Он не помнил, когда стирал её в последний раз. Может, месяц назад. Может, два. Он подошёл к столу и посмотрел на бумаги. Верхний лист был приказом. Он знал его наизусть: «Лейтенанту Вересу А. Н. Приказываю: субъект К. изолировать. Память стереть. Материалы Протокола 7 изъять. О случившемся не распространяться. Исполнение подтвердить лично. — Генерал-майор К. С. Орлов». Он смотрел на подпись долго. Потом отложил лист. Он думал о том, что он делал это десять лет. Он подписывал приказы. Он отдавал распоряжения. Он убивал. Он заметал следы. Он делал это, потому что считал, что это нужно. Потому что считал, что это порядок. Потому что считал, что это единственный способ сохранить мир. Он думал о том, что он ошибался. Он думал о том, что он всегда ошибался. Он думал о том, что он никогда не признавал этого. Даже себе. Особенно себе.

Он спустился в столовую, когда небо только начинало сереть. Столовая была в бывшем спортзале, и в ней пахло варёной крупой и мокрой штукатуркой. Крупа была серой, с комками, и её раздавали по ложке на человека. Верес взял миску и сел в углу, у окна. За окном была стена. На стене сидели голуби. Голуби были тощими и драчливыми, и они клевали что-то в трещинах. К нему подсел Шульц. Капитан патруля был сухим, жилистым, с вечным недовольным лицом. Он служил под началом Вереса восемь лет и за это время ни разу не задал лишнего вопроса. На нём была форма, которая была ему велика, и сапоги, которые он не чистил. — Товарищ полковник, — сказал Шульц. — Патрули готовы. Смена в шесть. Верес кивнул. — Хорошо. — Ещё одно, — сказал Шульц. — Люди говорят о «Венце». Говорят, он видел его в Зоне. Говорят, он идёт к стене. Верес поднял глаза. — Кто говорит? — Все, — Шульц пожал плечами. — Люди боятся. Верес помолчал. Он думал о том, что люди всегда боятся. Он думал о том, что он тоже боится. Он думал о том, что он никогда не признается в этом. — Это слухи, — сказал он. — Не обращай внимания. Шульц посмотрел на него. Долго. Потом кивнул. — Есть. Он встал и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Верес вернулся в кабинет, когда солнце уже поднялось. Кабинет был на третьем этаже, в бывшей школе. Стол, карта, жёсткий стул. На столе стояла кружка с остывшим чаем, и от неё шёл лёгкий пар. Рядом лежала папка с бумагами и авторучка, из которой вытекла чернильная капля. Капля была чёрной, и она расползлась по бумаге, как маленькое пятно. Он сел за стол и посмотрел на карту. Карта была старой, потрёпанной, и на сгибах она уже начала рваться. Он водил по ней пальцем, будто искал что-то, чего на карте не было. Он искал «Венца». Он искал его логово. Он искал способ остановить то, что началось. Он думал о том, что он не знает, где «Венец». Он думал о том, что он не знает, что делать. Он думал о том, что он не знает, кому верить. В дверь постучали. — Войдите. Вошёл капитан Власов. Он был молодым, высоким, с гладко зачёсанными волосами и вечной улыбкой. Он был одним из людей Аркадьева. Верес знал это. Он знал это с первого дня, когда Власов появился на Станции. Но он не мог его

выгнать. Потому что Аркадьев был выше. Аркадьев был в столице. Аркадьев был везде. — Товарищ полковник, — сказал Власов. — Генерал Аркадьев хочет с вами поговорить. Верес поднял глаза. — Где он? — В столице. Он ждёт на связи. Верес встал. Он поправил куртку. Он посмотрел на карту. Потом на окно. Потом на Власова. — Хорошо, — сказал он. — Идём.

Он шёл по коридору и думал о том, что это конец. Он думал о том, что Аркадьев не прощает ошибок. Он думал о том, что его убьют. Он думал о том, что это неважно. Он думал о том, что Кира жива. Он думал о том, что она дойдёт. Он думал о том, что она расскажет правду. Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать. Он шёл по коридору и не оборачивался. Коридор был длинным, с низким потолком, и в нём пахло пылью и старой бумагой. Лампы на потолке горели не все, и между ними были тёмные промежутки. Он шёл через эти промежутки и думал о том, что он всегда шёл через промежутки. Всю жизнь. От одного приказа к другому. От одной бумаги к другой. От одной стены к другой.

Кабинет Аркадьева был в столице. Верес не видел его лично — только через экран. Экран был старым, с трещиной в углу, и изображение было мутным. Но Верес видел лицо Аркадьева — старое, с короткой стрижкой и морщинами. Он видел его глаза — холодные, серые. Он видел его руки — сухие, с длинными пальцами. Он знал, что он устал. Он знал, что он боится. Он знал, что он предал. — Верес, — сказал Аркадьев. Голос был низким, ровным. — Доложи. Верес вытянулся. — Субъект К. вышла на вылазку. Она видела «Венца». Она вернулась. Она жива. Аркадьев молчал. Долго. Потом сказал: — Ты знал, что она жива? Верес помолчал. — Знал. — Ты знал, что она — субъект? — Знал. — Ты знал, что она может вспомнить? Верес помолчал снова. — Знал. Аркадьев смотрел на него. Его лицо не менялось. Но Верес чувствовал, как холод идёт по спине. — Ты понимаешь, что ты натворил? — Я пытался её защитить, — сказал Верес тихо. — Я пытался сохранить систему. Я пытался... — Ты пытался, — Аркадьев перебил его. — Ты пытался. А она ушла. Она встретилась с «Венцом». Она узнала правду. И теперь она идёт в столицу. Верес замер. — В столицу? — Она идёт к Соколовой, — сказал Аркадьев. — Она хочет рассказать правду. Всем. И если она это сделает — всё рухнет. Верес стоял неподвижно. Он думал о том, что Кира не просто ушла. Она идёт в столицу. Она идёт к Соколовой. Она хочет рассказать правду. Он думал о том, что она делает то, что он не смог. — Что мне делать? — спросил он. — Останови её, — сказал Аркадьев. — Любой ценой.

Верес вернулся в кабинет к вечеру. Он сидел за столом и смотрел на бумаги. Приказы. Отчёты. Списки. Он знал их наизусть. Он читал их каждый вечер, будто надеялся, что в них что-то изменится. Но ничего не менялось. Он думал о Кире. О том, как она смотрела на него. О том, как она сказала: «Ты не порядок. Ты просто ещё одна стена». Он знал, что она права. Он всегда знал. Он думал о том, что она идёт в столицу. Что она хочет рассказать правду. Что она хочет остановить Соколову. Что она хочет сделать то, что он не смог. Он думал о том, что если она это сделает — всё рухнет. Система. Порядок. Стена. И тогда начнётся хаос. Резня. Война всех против всех. Он думал о том, что если он её остановит — она умрёт. И тогда он будет жить с этим. Как жил десять лет. Он взял ручку. Посмотрел на чистый лист. И начал писать: «Капитану Власову. Приказываю: найти субъект К. Задержать. Если будет сопротивляться — разрешаю применить силу. — Верес». Он запечатал лист в конверт. Позвал дежурного. — Отправить Власову. Срочно. Дежурный кивнул и вышел. Конверт был в его руке, и он держал его так, будто это было что-то хрупкое. Верес остался один. Он посмотрел на стену. Стена была бетонной, серой, и на ней было пятно — старое, тёмное, похожее на карту. Он смотрел на неё и думал о том, что он снова отдал приказ. Снова подписал бумагу. Снова стал стеной. Он думал о том, что Кира, наверное, ненавидит его. Он думал о том, что она права. Он думал о том, что он заслужил это. Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать. Может быть, это конец.

Глава 2. Вылазка

Стена начиналась там, где кончался асфальт. Кира стояла у шлагбаума и смотрела на бетонную плиту высотой в пять метров. Плита была старой, в трещинах, и по этим трещинам когда-то давно кто-то пытался писать краской — но краска выцвела, и остались только бледные разводы, похожие на карту рек. У основания стены лежал мусор: обрывки сетки-рабицы, ржавые банки, кусок детской коляски с отвалившимся колесом. Никто не убирал. Никто не подходил близко. Даже патрульные курили в стороне, у бетонного блока, и смотрели не на стену, а себе под ноги. Кира смотрела на стену. Она думала о том, что за десять лет так и не привыкла к тишине. Не к той тишине, что бывает в пустой квартире, где просто никого нет. К другой. К той, что начинается сразу за стеной, где нет ни птиц, ни машин, ни людей — только ветер в пустых окнах и далёкое, влажное, кашляющее дыхание. Иногда это дыхание стихало. Иногда — приближалось. И тогда даже бывалые патрульные переставали курить и прислушивались. Сегодня было тихо. Слишком тихо. Кира знала, что это ничего не значит. Зона умела быть тихой перед тем, как стать громкой.

Она проверила автомат. Потом проверила ещё раз — не потому, что было нужно, а потому, что руки хотели чем-то заняться. Магазин сидел плотно. Затвор ходил мягко. Масло она меняла три дня назад, но всё равно чувствовала запах — резкий, металлический, с примесью чего-то кислого. Так пахло всё на Станции: оружие, люди, еда.

— Чистильщик-три, приём, — раздался голос Вереса в наушнике. Он звучал, как всегда, ровно, будто читал прогноз погоды. — Подтверди готовность.

Кира коснулась гарнитуры. Пластик был холодным и немного липким — она не снимала его с прошлой вылазки, и на нём остался слой пыли.

— Подтверждаю.

Она не сказала «готовность». Верес не любил лишних слов, а она не любила врать. Готовности не было. Было шесть часов сна за двое суток — не подряд, а урывками, между вылазками, в комнате, где стены были тонкими и сосед храпел так, что дребезжала лампа. Была заклеенная пластырем бровь — она рассекла её вчера, когда чистила автомат, и пластырь уже отклеивался, и край его цеплялся за волосы. И было ощущение, что этот день закончится плохо. Как и все предыдущие.

За шлагбаумом ждали четверо. Её отряд. Её люди, если это слово вообще подходило к тем, кого Станция выдавала ей на вылазку. Она не выбирала их. Она не обучала их. Она просто шла с ними в Зону и надеялась, что они вернутся. Мартынов стоял у бетонного блока, привалившись к нему плечом. Здоровый, с обветренным лицом, на котором морщины пролегли так глубоко, будто их вырезали ножом. Он держал кувалду, переделанную из пожарного лома, — рукоять была обмотана изолентой, а на конце болтался кусок цепи. Мартынов сплёвывал сквозь зубы — у него была такая привычка, и он сплёвывал даже тогда, когда во рту было сухо. Он посмотрел на Киру и кивнул. Она кивнула в ответ. Слева от него стоял Дюйм — тощий, сутулый, в очках с треснувшим стеклом. Трещина шла от верхнего угла к нижнему, и Дюйм смотрел на мир сквозь неё, будто через паутину. Он носил самодельный дробовик на ремне — две трубы, скреплённые скотчем и проволокой, — и постоянно поправлял очки, потому что они сползали на нос. Он был нервным. Кира знала это по тому, как он переступал с ноги на ногу, будто стоял на горячем. Справа стоял Гвоздь — молчаливый парень с карабином и шрамом через пол-лица. Шрам был старым, белым, и он стягивал кожу так, что правый глаз Гвоздя был чуть прищурен. Он никогда не говорил лишнего. Он вообще почти не говорил. Он просто стоял и смотрел в сторону стены, и его руки лежали на карабине так спокойно, будто он держал не оружие, а трость. Замыкал Корень — бывший электрик, а теперь сапёр. У него были руки, которые всё время что-то делали: он крутил в пальцах гайку, проверял узлы на сумке, поправлял ремни. На спине он нёс сумку с дымовыми шашками и самодельными петардами, и сумка была тяжёлой — Кира видела, как прогибается его плечо. Корень был единственным,

кто улыбнулся, когда она подошла. Улыбка у него была кривая, будто он извинялся за то, что живой. Обычный состав. Обычная вылазка. За образцами.

— Слушаем ещё раз, — сказала Кира, подходя. Она говорила тихо, но в тишине у стены её слышали все. — Доходим до четвёртого квартала. Там была аптека. Мартынов и Гвоздь держат улицу. Дюйм и Корень заходят внутрь, берут всё, что с маркировкой «регенерация» или «антисептик». Я страхую. Если слышим «Шитых» — уходим. Если видим «Венца» — бежим. Всё просто.

— А если «Пустые»? — спросил Дюйм, поправляя очки. Стекло блеснуло, и трещина на секунду поймала свет.

— Если «Пустые» — работаем по протоколу. Не геройствуем.

Мартынов сплюнул. Плевок упал на асфальт и впитался в трещину.

— Как скажешь, док.

Он называл её «док» с первого дня. Кира не поправляла. Врач — это единственное, что от неё осталось из прошлой жизни, и она не собиралась это отдавать. Иногда она думала, что если бы у неё отняли и это — она бы просто перестала быть. Стала бы ещё одним чистильщиком с автоматом и пустыми глазами.

Шлагбаум поднялся с лязгом. Металл скрипнул, цепь натянулась и задребезжала. За шлагбаумом начиналась Мёртвая зона. Первые два квартала были почти нормальными. Пустые дома, выбитые окна, ржавые машины у обочин — но без заражённых. Кира шла первой, держа автомат у бедра, и считала шаги. Она всегда считала шаги в Зоне. Это помогало не думать. Один. Два. Три. Четыре. На сотне она сбивалась и начинала заново. Асфальт был неровным, в трещинах, и из трещин лезла трава — сухая, жёлтая, мёртвая. Ветер гонял по дороге обрывки газет, и они шелестели так, будто кто-то шептал. Кира старалась не слушать. На третьем квартале они увидели первого «Пустого». Он стоял посреди дороги, спиной к ним. Бледный, худой, в остатках серого комбинезона. Комбинезон был разорван на плече, и под ним виднелась кожа — серая, покрытая пятнами. Голова дёргалась, будто он слушал что-то, чего не слышали они. Его руки висели вдоль тела и слегка покачивались. Кира подняла кулак. Отряд замер. «Пустой» не двигался. Он просто стоял и качался, как пьяный. Из его горла вырывался звук — тихий, влажный, будто он пытался что-то сказать, но забыл как. Кира показала два пальца и повела рукой вправо — обходим по стене. Мартынов кивнул. Они двинулись вдоль домов, тихо, шаг за шагом. Кира чувствовала, как под ногами хрустит битое стекло, и старалась ступать на цементные швы, где стекла не было. «Пустой» их не заметил. Он так и остался стоять посреди дороги, качаясь. Такие были самыми простыми. Хуже были «Шитые».

Их они встретили на подходе к аптеке. Двое. Один — низкий, сгорбленный, с длинными руками, которые почти доставали до земли. Его пальцы были скрючены, а ногти — длинные, жёлтые, загнутые, как у птицы. Второй — высокий, с разодранной шеей и слишком быстрыми движениями. Рана на шее была тёмной, запёкшейся, и из неё что-то сочилось. Они шли по улице, и Кира сразу поняла: не просто шли. Искали. Головы «Шитых» дёргались в стороны, будто принюхивались, и их дыхание было частым, влажным, голодным.

— В подъезд, — прошептала Кира.

Отряд скользнул в тёмный подъезд. Пахло мочой и сыростью. Кира прижалась к стене, считая. Один. Два. Три. Четыре. Восемь секунд — и «Шитые» прошли мимо. Низкий остановился у входа, повёл головой, будто принюхиваясь. Кира не дышала. Она чувствовала, как холодный бетон стены впивается ей в спину, как пластырь на брови цепляется за волосы, как сердце бьётся где-то в горле. Потом они ушли. Дюйм выдохнул слишком громко.

— Тихо, — прошипела Кира.

— Да я...

— Тихо.

Она выглянула. Улица была пуста. Аптека — в двадцати метрах, за углом. Ближе, чем она думала. Вывеска над входом была наполовину сорвана, и на ней ещё читалось «АПТЕКА № 4», но буква «А» отвалилась и лежала на земле, как перевёрнутая буква «V».

— Пошли. Быстро.

Аптека была разграблена. Конечно. За десять лет её грабили раз двадцать. Но Кира знала одну вещь, которую знали немногие: настоящие запасы хранят не в зале, а в подсобке. Или в подвале. Или в старом сейфе, который никто не хочет вскрывать.

— Дюйм, Корень — внутрь. Мартынов, Гвоздь — на улицу. Глаза в оба.

Они зашли. Внутри пахло плесенью и старым спиртом. Полки были перевёрнуты, пол усыпан битым стеклом, и стекло хрустело под ногами. Кира прошла за стойку, к двери с надписью «Служебное помещение». Замок был сорван, но дверь держалась. На двери был приклеен пожелтевший лист с приказом, напечатанным на машинке: «Посторонним вход воспрещён. Администрация».

— Корень, — позвала она.

Сапёр подошёл, посмотрел на дверь, достал монтировку. Один рывок — и дверь открылась с сухим треском. Внутри было темно. Кира включила фонарь. Луч выхватил маленькую комнату, заваленную коробками. На полу лежал скелет в белом халате. Давно. Без заражения. Халат был чистым — белым, накрахмаленным, будто его надели вчера. Кира смотрела на скелет секунду, потом отвела глаза.

— Не трогаем, — сказала она. — Коробки вскрываем, скелет не трогаем.

Дюйм уже шарил по полкам. Корень встал на стреме у входа. Кира присела над коробкой с надписью, наполовину стёртой, но она всё равно её прочла: «Регенеративный гель. Опытная партия». Она открыла коробку. Внутри было шесть туб. Целых. Герметичных. Пластик был мутным, и внутри виднелась густая жидкость — бледно-жёлтая, с пузырьками.

— Есть, — сказала она. — Шесть туб.

— И тут антисептик, — отозвался Дюйм. — Много. И бинты.

— Берём всё.

Кира складывала тубы в сумку, когда услышала звук. Не шаги. Не дыхание. Что-то другое. Низкое, вибрирующее, будто кто-то вёл ногтем по бетону. Звук шёл из глубины, из-под пола, и от него дрожали стены. Она замерла.

— Вы слышите? — прошептала она.

Дюйм замер с бинтами в руках. Корень повернул голову.

— Что это? — спросил он.

Звук повторился. Ближе. Кира встала, подняла автомат. Сердце билось где-то в горле. Она знала этот звук. Она слышала его один раз, пять лет назад, и с тех пор надеялась никогда не услышать снова.

— Это не «Шитый», — сказала она.

Корень побледнел.

— А кто?

Кира посмотрела на него.

— «Венец».

Снаружи Мартынов уже кричал. Они выбежали из аптеки и увидели, как Гвоздь пятится от чего-то, что стояло в конце улицы. Оно было огромным. Метра три, может, больше. Сгорбленное, с широкими плечами, покрытыми наростами, похожими на кору. Голова была маленькой, почти человеческой, но лицо — Кира видела его даже отсюда — было спокойным. Почти осмысленным. Оно не рычало. Не бросалось. Оно просто стояло и смотрело, и в его глазах было что-то, от чего у Киры по спине пополз холод. «Венец» смотрел на них. Мартынов выстрелил. Звук выстрела ударил по ушам, и эхо прокатилось по улице. Пуля попала в плечо, отскочила.

«Венец» даже не покачнулся. Он просто сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Земля под ним вздрагивала.

— Бежим! — заорала Кира.

Отряд рванул назад, к переулку. «Венец» двинулся за ними — медленно, но неотвратимо, и с каждым шагом земля под ним вздрагивала. Кира бежала и считала переулки, повороты, шаги — всё смешалось. Дюйм споткнулся, Корень подхватил его. Мартынов отстреливался на бегу, но пули только злили «Венца». Потом из подворотни вышли «Шитые». Трое. Быстрые, голодные, с искажёнными лицами. Их глаза светились в полумраке, и они бросились вперёд, не раздумывая.

— Влево! — крикнула Кира.

Они свернули. «Шитые» бросились за ними. «Венец» шёл следом. Кира поняла, что они попали. По-настоящему попали. Она остановилась.

— Уходите, — сказала она.

Мартынов обернулся.

— Что?

— Уходите. Я их задержу.

— Док, ты с ума...

— Это приказ. — Кира сняла с пояса две дымовые шашки. — Я иммунна. Помнишь? Меня не возьмут.

Это была ложь. Иммунитет не защищал от «Венца». Но Мартынов не знал этого. Он смотрел на неё секунду, потом кивнул и побежал. Кира осталась одна. «Шитые» приближались. «Венец» шёл за ними, и его спокойное лицо не выражало ничего. Кира бросила шашки. Дым повалил густой, серый, и в нём утонули и «Шитые», и «Венец». Кира побежала. Она не знала, куда. Просто бежала, считая шаги, пока не поняла, что шума за спиной больше нет.

Она остановилась в каком-то дворе, прижалась спиной к стене, сползла на землю и закрыла глаза. Стена была холодной и шершавой. Где-то капала вода. Пахло мокрой землёй и чем-то горелым. В наушнике шипело.

— Чистильщик-три, приём, — раздался голос Вереса. — Кира. Ответь.

Она открыла глаза.

— Я здесь, — сказала она. — Отряд?

Пауза.

— Двое вернулись, — сказал Верес. — Мартынов и Корень. Дюйм и Гвоздь — нет.

Кира закрыла глаза снова.

— Ясно.

— Что произошло?

Она посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Мы видели «Венца», — сказала она. — Он шёл к стене.

Тишина в наушнике была долгой.

— Возвращайся, — сказал Верес. — Немедленно.

Кира встала. Двор был пуст. Где-то далеко, за домами, снова раздался тот низкий, вибрирующий звук. Она пошла к стене. И всю дорогу думала о том, что «Венец» смотрел на неё. Не на отряд. Не на оружие. На неё. Будто узнал.

Глава 3. Верес. Доклад

Верес сидел в кабинете, когда вошёл Шульц. Капитан был бледнее обычного, и его лицо, всегда недовольное, сейчас было растерянным. Он остановился у стола и вытянулся, но Верес видел, что он делает это по привычке, а не потому, что хочет. — Товарищ полковник. Чистильщик-три вернулась. — Одна? — Одна. Мартынов и Корень вернулись раньше. Дюйм и Гвоздь — нет. Верес помолчал. Он знал, что это значит. Он знал это десять лет. Люди уходили в Зону и не возвращались. Это было нормой. Это было частью жизни. Но каждый раз, когда он слышал

это, что-то внутри него сжималось. Может, совесть. Может, страх. Может, просто усталость. — Где она? — В подвале. Моется. — Хорошо. — Верес встал. — Пусть зайдёт ко мне. Как только закончит. Шульц кивнул и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Верес подошёл к окну и посмотрел на стену. За стеклом было темно, и на стене горели прожекторы. Их свет был резким, белым, и в нём кружились мелкие насекомые. Он смотрел на них и думал о том, что они бьются о стекло всю ночь. Они не знают, что за стеклом — смерть. Они просто хотят света. Он думал о том, что он тоже бьётся о стекло. Всю жизнь. От одного приказа к другому. От одной бумаги к другой. От одной стены к другой. Он думал о том, что он никогда не выберется. Он думал о том, что он не хочет выбираться. Потому что за стеклом — смерть. А здесь — свет. Пусть даже искусственный. Пусть даже ложный.

Он вернулся к столу и сел. На столе лежала папка с бумагами. Он открыл её и посмотрел на верхний лист. Это был приказ. Его приказ. Подпись. Дата — десять лет назад. Он смотрел на подпись долго. Потом закрыл папку. Он думал о том, что Кира жива. Он думал о том, что она видела «Венца». Он думал о том, что она вернулась. Он думал о том, что она скажет. Он думал о том, что он ответит. Он думал о том, что он не знает, что делать. Он думал о том, что он никогда не знал, что делать.

В дверь постучали. — Войдите. Вошла Кира. Она была в чистой футболке и рабочей куртке, и её волосы были мокрыми. На брови был свежий пластырь. Она остановилась у стола и посмотрела на него. В её глазах было что-то, чего он не видел раньше. Что-то похожее на усталость. Настоящую. До костей. — Садись, — сказал Верес. Она села. Стул был жёстким, деревянным, неудобным. Верес специально такой держал — чтобы люди не засиживались. На столе стояла кружка с остывшим чаем, и от неё шёл лёгкий пар. Рядом лежала папка с бумагами и авторучка, из которой вытекла чернильная капля. Капля была чёрной, и она расползлась по бумаге, как маленькое пятно. Он наконец поднял глаза. У него было лицо человека, который спит по четыре часа в сутки и давно перестал считать это проблемой. Под глазами — мешки, на щеках — щетина, и в щетине — седые волосы. — Рассказывай.

Кира рассказала. Коротко, по делу: аптека, тубы, звук, «Венец», отход. Про то, что «Венец» шёл к стене, она сказала отдельно. Про то, что он на неё смотрел, — не сказала. Она не знала почему. Может, потому, что это было слишком личное. Может, потому, что она боялась, что Верес сочтёт это выдумкой. Верес слушал молча. Он не перебивал, не задавал вопросов, не делал пометок. Он просто смотрел на неё, и его глаза были как две серые лужи. Когда она закончила, он откинулся на спинку кресла и потёр переносицу. — Шесть туб. Это хорошо. — Пауза. — «Венец» — плохо. — Он шёл не сам по себе, — сказала Кира. — Он шёл целенаправленно. Как будто знал, куда. Верес посмотрел на неё. — Ты понимаешь, что это значит? — Понимаю. Если «Венец» двинется на стену, мы не удержим. — Не удержим, — согласился Верес. — Поэтому мы не будем ждать, пока он двинется. Мы вышлем разведку. Найдём его логово. И ударим первыми. Кира нахмурилась. — Ударим? У нас нет людей для удара. У нас едва хватает на патрули. — Люди найдутся. — Верес сказал это так, будто вопрос был уже решён. — Есть те, кто знает Зону лучше нас. И у них есть свои причины идти на «Венца». Кира поняла, о ком он. — «Сороковые». — Именно. — Гром. — Гром, — кивнул Верес. — Он давно хочет добраться до «Венца». Мы дадим ему информацию и проход. Он даст нам людей и знание Зоны. Взамен — никаких претензий к Станции после.

Кира молчала. Она знала Грома. Видела его дважды — оба раза на нейтральной территории, оба раза он не сказал ей ни слова. Огромный, молчаливый, с самодельным молотом на плече. Говорили, что он потерял брата в Зоне и с тех пор ищет «Венца». Говорили, что он не боится ни заражённых, ни смерти. Говорили, что он со своими людьми живёт в Зоне, в руинах, и считает себя «новым человеком». Кира не знала, правда ли это. Она знала только, что люди, о которых так говорят, обычно опасны. — Он согласится? — спросила она. — Уже согласился. — Верес взял со стола лист бумаги. — Встреча сегодня. На нейтральной. «Рынок», третий

склад. Ты идёшь со мной. — Я? — Ты видела «Венца». Ты можешь описать его. И ты врач. Если Гром захочет проверить, насколько мы серьёзны, — ты будешь доказательством. Кира хотела сказать, что это плохая идея. Что Гром не доверяет Станции. Что «Рынок» — это место, где тебя могут продать за патроны. Но она посмотрела на Вереса и поняла: он уже всё решил. А Верес, когда решал, не слушал. — Хорошо, — сказала она. — Во сколько? — В шесть. — Верес вернулся к карте. — И Кира. Возьми с собой кого-нибудь из своих. Не ходи одна. Она встала. — Я всегда хожу одна. Верес не поднял головы. — Знаю. Поэтому и говорю.

Кира вышла. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Верес остался один. Он сидел за столом и смотрел на карту. Точка, обозначавшая коллектор, была маленькой, серой, почти незаметной. Но он видел её. Он смотрел на неё, и она казалась ему больше, чем была. Он думал о том, что «Венец» идёт к стене. Он думал о том, что Кира видела его. Он думал о том, что она не сказала ему всего. Он знал это. Он всегда знал, когда она что-то скрывала. Она была плохой лгуньей. Но он не стал спрашивать. Может, потому, что боялся услышать ответ. Может, потому, что уже знал его. Он думал о том, что «Венец» смотрел на неё. Не на отряд. Не на оружие. На неё. Будто узнал. Он думал о том, что это значит. Он думал о том, что это может значить. Он думал о том, что он не хочет знать.

В дверь снова постучали. — Войдите. Вошёл Власов. Он был в чёрной форме, и на его лице была улыбка. Верес знал эту улыбку. Он видел её раньше. Она ничего не значила. — Товарищ полковник. Генерал Аркадьев хочет с вами поговорить. Верес поднял глаза. — Где он? — В столице. Он ждёт на связи. Верес встал. Он поправил куртку. Он посмотрел на карту. Потом на окно. Потом на Власова. — Хорошо, — сказал он. — Идём.

Он шёл по коридору и думал о том, что это конец. Он думал о том, что Аркадьев не прощает ошибок. Он думал о том, что его убьют. Он думал о том, что это неважно. Он думал о том, что Кира жива. Он думал о том, что она дойдёт. Он думал о том, что она расскажет правду. Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать. Он шёл по коридору и не оборачивался. Коридор был длинным, с низким потолком, и в нём пахло пылью и старой бумагой. Лампы на потолке горели не все, и между ними были тёмные промежутки. Он шёл через эти промежутки и думал о том, что он всегда шёл через промежутки. Всю жизнь. От одного приказа к другому. От одной бумаги к другой. От одной стены к другой.

Кабинет Аркадьева был в столице. Верес не видел его лично — только через экран. Экран был старым, с трещиной в углу, и изображение было мутным. Но Верес видел лицо Аркадьева — старое, с короткой стрижкой и морщинами. Он видел его глаза — холодные, серые. Он видел его руки — сухие, с длинными пальцами. Он знал, что он устал. Он знал, что он боится. Он знал, что он предал. — Верес, — сказал Аркадьев. Голос был низким, ровным. — Доложи. Верес вытянулся. — Субъект К. вышла на вылазку. Она видела «Венца». Она вернулась. Она жива. Аркадьев молчал. Долго. Потом сказал: — Ты знал, что она жива? Верес помолчал. — Знал. — Ты знал, что она — субъект? — Знал. — Ты знал, что она может вспомнить? Верес помолчал снова. — Знал. Аркадьев смотрел на него. Его лицо не менялось. Но Верес чувствовал, как холод идёт по спине. — Ты понимаешь, что ты натворил? — Я пытался её защитить, — сказал Верес тихо. — Я пытался сохранить систему. Я пытался... — Ты пытался, — Аркадьев перебил его. — Ты пытался. А она ушла. Она встретилась с «Венцом». Она узнала правду. И теперь она идёт в столицу. Верес замер. — В столицу? — Она идёт к Соколовой, — сказал Аркадьев. — Она хочет рассказать правду. Всем. И если она это сделает — всё рухнет. Верес стоял неподвижно. Он думал о том, что Кира не просто ушла. Она идёт в столицу. Она идёт к Соколовой. Она хочет рассказать правду. Он думал о том, что она делает то, что он не смог. — Что мне делать? — спросил он. — Останови её, — сказал Аркадьев. — Любой ценой.

Верес вернулся в кабинет к вечеру. Он сидел за столом и смотрел на бумаги. Приказы. Отчёты. Списки. Он знал их наизусть. Он читал их каждый вечер, будто надеялся, что в них

что-то изменится. Но ничего не менялось. Он думал о Кире. О том, как она смотрела на него. О том, как она сказала: «Ты не порядок. Ты просто ещё одна стена». Он знал, что она права. Он всегда знал. Он думал о том, что она идёт в столицу. Что она хочет рассказать правду. Что она хочет остановить Соколову. Что она хочет сделать то, что он не смог. Он думал о том, что если она это сделает — всё рухнет. Система. Порядок. Стена. И тогда начнётся хаос. Резня. Война всех против всех. Он думал о том, что если он её остановит — она умрёт. И тогда он будет жить с этим. Как жил десять лет. Он взял ручку. Посмотрел на чистый лист. И начал писать: «Капитану Власову. Приказываю: найти субъект К. Задержать. Если будет сопротивляться — разрешаю применить силу. — Верес». Он запечатал лист в конверт. Позвал дежурного. — Отправить Власову. Срочно. Дежурный кивнул и вышел. Конверт был в его руке, и он держал его так, будто это было что-то хрупкое. Верес остался один. Он посмотрел на стену. Стена была бетонной, серой, и на ней было пятно — старое, тёмное, похожее на карту. Он смотрел на неё и думал о том, что он снова отдал приказ. Снова подписал бумагу. Снова стал стеной. Он думал о том, что Кира, наверное, ненавидит его. Он думал о том, что она права. Он думал о том, что он заслужил это. Он думал о том, что, может быть, это его искупление. Может быть, это единственное, что он может сделать. Может быть, это конец.

Глава 4. Стена

Станция встретила её запахом горячего металла и мокрой штукатурки. Этот запах Кира знала наизусть. Он начинался у КПП — там, где над воротами висела лампа в железном абажуре, и от неё шёл жар, и металл абажура пах так, будто его только что вынули из печи. Потом, когда она проходила внутрь, к запаху металла добавлялась штукатурка — сырая, тяжёлая, с примесью извести. Стены Станции были старыми, и штукатурка на них осыпалась, и каждый раз, когда кто-то хлопал дверью, с потолка сыпалась белая пыль. Никто не ремонтировал. Никто не успевал.

Кира прошла через КПП, кивнула дежурному — молодому парню с прыщавым лицом и автоматом, который был больше его самого. Парень был новеньким, и Кира видела это по тому, как он держал оружие — слишком крепко, будто боялся, что оно вырвется. Она не запомнила его имени. На Станции было много новеньких, и большинство из них не задерживалось.

Оружейка была маленькой комнатой за железной дверью. За стойкой сидел старик с седыми усами, который никогда не задавал вопросов. Его звали Пётр, и он был здесь с самого начала — может, с первого дня, может, со второго. Он взял автомат, проверил магазин, записал в тетрадь, которую вёл карандашом, и поставил оружие в стойку. Тетрадь была старой, потрёпанной, и на её страницах были сотни записей — имена, даты, номера оружия. Кира видела, как он водит карандашом по бумаге, и думала о том, что где-то в этой тетради есть и её имя. Много раз.

Стволы на территории носили только патрульные — таково было правило Вереса, и правило соблюдалось строго. Кира не спорила. Она вообще давно перестала спорить с правилами, которые её не касались. Потом она спустилась по лестнице в подвал, где была душевая. Лестница была крутой, ступени — стёртыми посередине, и на каждой ступени лежал слой серой пыли. Вода шла по расписанию, и ей повезло: успела. Она слышала, как в трубах гудит, как вода с шипением вырывается из крана, и на секунду ей показалось, что это самый лучший звук на свете.

Она стояла под тёплой струёй и смотрела, как смывается грязь. Вода стекала по телу серыми струйками и уходила в слив, и в сливе что-то булькало. На левом предплечье, чуть ниже локтя, был старый шрам — след от укуса, который так и не превратился в заражение. Шрам был белым, неровным, с двумя точками по краям — следы зубов. Пять лет назад «Шитый» достал её в переулке. Она отстрелила ему голову, потом села на асфальт и стала ждать, когда начнётся. Не началось. Она просидела там час, потом встала и пошла домой. С тех пор она знала: она

иммунна. И с тех пор она это скрывала. Даже от Вереса. Даже от Мартынова. Особенно от Мартынова — он был добрым, а добрые люди не умеют молчать.

Кира выключила воду, вытерлась полотенцем, которое пахло мылом и немного сыростью, натянула чистую футболку и поверх — рабочую куртку с нашивкой Станции. Три полоски. Чистильщик третьего ранга. Не высоко, но достаточно, чтобы её слушали в Зоне. Нашивка была пришита криво — она пришивала её сама, в темноте, и иголка дважды попала в палец.

В коридоре её ждал Мартынов. Он стоял, привалившись к стене, и вид у него был такой, будто он постарел за эти два часа лет на десять. Кувалды при нём не было — сдал. Руки висели вдоль тела. На его лице была пыль, и в пыли — следы пота, и он не вытирал их. Его куртка была порвана на плече — Кира не помнила, когда это случилось. Может, в переулке, когда они бежали. Может, раньше.

— Док, — сказал он.

— Мартынов.

— Я хотел вернуться. Я...

— Я знаю.

Она не стала говорить, что это было бы глупо. Он и сам знал. Он просто хотел услышать, что не виноват. Люди всегда хотят это услышать, даже когда знают, что это не так.

— Дюйм и Гвоздь, — сказала Кира. — Кто-нибудь видел, что с ними?

Мартынов покачал головой. Пыль на его лице пошла трещинами.

— Мы бежали. «Шитые» шли за нами. Я не оборачивался. Корень говорит, Гвоздь упал. Дюйм остановился его поднимать. Дальше — стена.

Кира кивнула. Она знала, что это значит. Если «Шитые» догнали — они не оставят тел. От них вообще мало что остаётся. Иногда — обрывок куртки. Иногда — очки. Дюйм носил очки с треснувшим стеклом. Кира подумала о том, что если бы она осталась, если бы не бросила шашки, если бы побежала быстрее — может, они были бы живы. Потом она прогнала эту мысль. Такие мысли не помогали. Они только мешали спать.

— Иди, — сказала она. — Отдохни.

— А ты?

— Меня ждёт Верес.

Мартынов посмотрел на неё, будто хотел что-то добавить. Потом махнул рукой и пошёл. Его шаги гулко отдавались в коридоре, и пыль поднималась из-под подошв.

Кабинет Вереса был на третьем этаже, в бывшей школе. Кира поднималась по лестнице и слышала, как где-то наверху кто-то ругается — громко, с матом, — и как ему отвечает второй голос, спокойный и усталый. Это была обычная жизнь Станции: ругань, споры, торг. Люди делили патроны, еду, место в очереди на воду. Кира не вмешивалась. Она просто шла. На втором этаже она остановилась. В коридоре, у окна, стояла женщина с ребёнком. Ребёнок был маленьким, лет пяти, и он плакал. Женщина гладила его по голове и что-то шептала. Кира не слышала что. Она прошла мимо, и её шаги заглушили плач.

Полковник сидел за столом, на котором лежала карта города — настоящая, бумажная, с пометками карандашом. Карта была старой, потрёпанной, и на сгибах она уже начала рваться. Верес не поднял головы, когда она вошла. Он смотрел на карту и водил по ней пальцем, будто искал что-то, чего на карте не было.

— Садись.

Кира села. Стул был жёсткий, деревянный, неудобный. Верес специально такой держал — чтобы люди не засиживались. На столе стояла кружка с остывшим чаем, и от неё шёл лёгкий пар. Рядом лежала папка с бумагами и авторучка, из которой вытекла чернильная капля. Капля была чёрной, и она расползлась по бумаге, как маленькое пятно. Он наконец поднял глаза. У него было лицо человека, который спит по четыре часа в сутки и давно перестал считать это проблемой. Под глазами — мешки, на щеках — щетина, и в щетине — седые волосы.

— Рассказывай.

Кира рассказала. Коротко, по делу: аптека, тубы, звук, «Венец», отход. Про то, что «Венец» шёл к стене, она сказала отдельно. Про то, что он на неё смотрел, — не сказала. Она не знала почему. Может, потому, что это было слишком личное. Может, потому, что она боялась, что Верес сочтёт это выдумкой.

Верес слушал молча. Он не перебивал, не задавал вопросов, не делал пометок. Он просто смотрел на неё, и его глаза были как две серые лужи. Когда она закончила, он откинулся на спинку кресла и потёр переносицу.

— Шесть туб. Это хорошо. — Пауза. — «Венец» — плохо.

— Он шёл не сам по себе, — сказала Кира. — Он шёл целенаправленно. Как будто знал, куда.

Верес посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Если «Венец» двинется на стену, мы не удержим.

— Не удержим, — согласился Верес. — Поэтому мы не будем ждать, пока он двинется. Мы вышлем разведку. Найдём его логово. И ударим первыми.

Кира нахмурилась.

— Ударим? У нас нет людей для удара. У нас едва хватает на патрули.

— Люди найдутся. — Верес сказал это так, будто вопрос был уже решён. — Есть те, кто знает Зону лучше нас. И у них есть свои причины идти на «Венца».

Кира поняла, о ком он.

— «Сороковые».

— Именно.

— Гром.

— Гром, — кивнул Верес. — Он давно хочет добраться до «Венца». Мы дадим ему информацию и проход. Он даст нам людей и знание Зоны. Взамен — никаких претензий к Станции после.

Кира молчала. Она знала Грома. Видела его дважды — оба раза на нейтральной территории, оба раза он не сказал ей ни слова. Огромный, молчаливый, с самодельным молотом на плече. Говорили, что он потерял брата в Зоне и с тех пор ищет «Венца». Говорили, что он не боится ни заражённых, ни смерти. Говорили, что он со своими людьми живёт в Зоне, в руинах, и считает себя «новым человеком». Кира не знала, правда ли это. Она знала только, что люди, о которых так говорят, обычно опасны.

— Он согласится? — спросила она.

— Уже согласился. — Верес взял со стола лист бумаги. — Встреча сегодня. На нейтральной. «Рынок», третий склад. Ты идёшь со мной.

— Я?

— Ты видела «Венца». Ты можешь описать его. И ты врач. Если Гром захочет проверить, насколько мы серьёзны, — ты будешь доказательством.

Кира хотела сказать, что это плохая идея. Что Гром не доверяет Станции. Что «Рынок» — это место, где тебя могут продать за патроны. Но она посмотрела на Вереса и поняла: он уже всё решил. А Верес, когда решал, не слушал.

— Хорошо, — сказала она. — Во сколько?

— В шесть. — Верес вернулся к карте. — И Кира. Возьми с собой кого-нибудь из своих. Не ходи одна.

Она встала.

— Я всегда хожу одна.

Верес не поднял головы.

— Знаю. Поэтому и говорю.

До шести оставалось два часа. Кира спустилась в столовую — бывший спортзал, где стояли длинные столы и пахло варёной крупой. Крупа была серой, с комками, и её раздавали по ложке на человека. Кира взяла миску, села в углу, у окна, за которым была видна стена. Стена была серой, и на ней сидели голуби. Голуби были тощими и драчливыми, и они клевали что-то в трещинах.

К ней подсела Лиса. Кира не слышала, как она подошла. Лиса всегда появлялась так — будто вырастала из воздуха. Худая, быстрая, с коротко стриженными волосами и глазами, которые никогда не останавливались на одном месте. Она была в тёмной куртке, которая была ей велика, и в куртке было много карманов. Кира знала, что в этих карманах можно найти всё: от патронов до чужих документов.

— Слышала, у тебя была весёлая вылазка, — сказала Лиса, откусывая от куска хлеба. Хлеб был чёрствым, и она жевала его долго.

— Слышала или знаешь?

— Знаю. — Лиса ухмыльнулась. — «Рынок» знает всё. У меня даже ставки принимают, кто из чистильщиков вернётся из следующей вылазки. Ты, кстати, в фаворитах.

— Приятно.

— Не обольщайся. Фаворит — не значит «выживет». Фаворит — значит «на него больше ставят».

Кира посмотрела на неё.

— Ты пришла меня предупредить?

Лиса перестала жевать. Улыбка исчезла.

— Я пришла сказать, что на встрече с Громом тебе лучше молчать. Он не любит Станцию. Он особенно не любит людей со значками. Если ты скажешь что-то не то — он может решить, что ты не нужна.

— Спасибо.

— Не за что. — Лиса снова улыбнулась. — Я иду с вами. Верес попросил. Сказал, что я знаю «Рынок» лучше всех.

Кира кивнула. Это было логично. Лиса работала на «Рынок», но давно уже ходила между фракциями, как кошка между столами. Ей доверяли все. И никто.

— Лиса.

— М?

— Ты видела когда-нибудь «Венца» вблизи?

Лиса помолчала. Она отложила хлеб и вытерла руки о куртку.

— Один раз, — сказала она. — Два года назад. Я была в Зоне, у реки. Он стоял на другом берегу. Просто стоял и смотрел. Я не двигалась. Он не двигался. Потом он ушёл.

— Он смотрел на тебя?

— Да. — Лиса посмотрела на неё внимательно. — А что?

Кира не ответила. Она думала о том, что «Венец» смотрел на неё так же. Спокойно. Осмысленно. Будто узнал. И она не знала, что это значит. Может, ничего. Может, всё.

В шесть они вышли. Верес шёл впереди, в бронежилете, с пистолетом на бедре. Бронежилет был тяжёлым, и Верес шёл медленнее обычного. Рядом — двое патрульных, молодые, с автоматами. Кира — за ними. Лиса — замыкающей, с ножом на поясе и улыбкой, которая ничего не значила. «Рынок» был в трёх кварталах от Станции, на границе нейтральной территории. Третий склад — длинное бетонное здание с высокими воротами и запахом старой рыбы. Запах был настолько сильным, что Кира почувствовала его за квартал. Вокруг склада стояли палатки, горели костры, и люди торговались, кричали, смеялись. Кто-то играл на гитаре — три струны, фальшиво. У входа их ждали.

Гром стоял посреди склада. Он был ещё больше, чем помнила Кира. Метр девяносто, может, больше. Плечи — как дверной проём. В руке — молот, переделанный из кувалды, с

приваренной к рукояти цепью. Цепь была длинной и волочилась по полу. За ним — четверо «Сороковых». Молодые, злые, с оружием. У одного была татуировка на шее — круг с семью точками. Кира знала этот символ. «Хор». Рядом с Громом стоял старик. Кира не сразу поняла, кто это. Потом увидела: лицо было спокойным, глаза — мутные, белые, как у слепого. Он держал трость, но не опирался на неё. Трость была из тёмного дерева, с резной ручкой.

— Верес, — сказал Гром. Голос был низкий, как будто шёл из глубины.

— Гром.

Они смотрели друг на друга секунду. Потом Гром перевёл взгляд на Киру.

— Это она?

— Она, — сказал Верес. — Видела «Венца». Может описать.

Гром подошёл. Он был так близко, что Кира чувствовала запах — порох, пот и что-то ещё, металлическое. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах не было ни злости, ни любопытства. Только оценка.

— Говори, — сказал он.

Кира рассказала. Про то, как «Венец» вышел из переулка. Про то, как пули отскакивали от его плеч. Про то, как он шёл — медленно, спокойно, не обращая внимания на выстрелы. И про то, как он остановился, когда она бросила дымовые шашки. Она говорила ровно, не торопясь, и смотрела Грому в глаза. Гром слушал молча. Когда она закончила, он повернулся к старику.

— Слепой?

Старик сделал шаг вперёд. Его белые глаза смотрели куда-то сквозь Киру.

— Он не остановился, — сказал Слепой. — Он дал ей уйти.

Кира почувствовала, как холодок прошёл по спине.

— Почему? — спросила она.

Слепой улыбнулся. Улыбка была неприятная.

— Потому что он тебя знает.

Тишина на складе стала плотной. Кира слышала, как где-то капает вода, как скрипит цепь на молоте Грома, как дышит Лиса за её спиной.

— Что это значит? — спросил Верес.

Слепой не ответил. Он повернулся и пошёл обратно в тень, к своим. Гром посмотрел на Киру ещё раз — долго, внимательно — и сказал:

— Она идёт с нами.

— Что? — Кира шагнула вперёд. — Я не...

— Ты идёшь с нами, — повторил Гром. — «Венец» тебя знает. Значит, ты — приманка. Мы найдём его логово, и ты будешь там. — Он помолчал. — Или ты боишься?

Кира посмотрела на него. На Вереса. На Лису, которая стояла в стороне и не улыбалась.

— Я не боюсь, — сказала она.

— Хорошо. — Гром повернулся к своим. — Выходим завтра. На рассвете.

Он пошёл к выходу. «Сороковые» двинулись за ним. Слепой остался на секунду, посмотрел на Киру своими белыми глазами и сказал тихо, так, что слышала только она:

— Он не просто тебя знает. Он тебя ждёт.

И ушёл.

Глава 5. Лиса. Рынок

«Рынок» никогда не спал. Даже ночью, когда торговцы закрывали лотки и гасили костры, здесь кто-то был. Кто-то всегда был. Кто-то всегда что-то продавал, покупал, выменивал, крал. «Рынок» был живым организмом, и Лиса была одной из его артерий. Она сидела на ящике у третьего склада и смотрела, как догорает костёр. Огонь был слабым, и дым поднимался вверх, к тёмному небу. Рядом с ней лежал рюкзак — старый, потрёпанный, с множеством карманов.

В карманах было всё: патроны, документы, деньги, чужие письма, чужие секреты. Лиса не любила носить оружие. Оружие привлекало внимание. А ей нужно было, чтобы её не замечали.

Она работала на «Рынок» с двенадцати лет. Сначала — курьером. Потом — информатором. Потом — кем-то, у кого не было названия. Она знала всех. Она знала, кто с кем спит, кто кому должен, кто кого ненавидит. Она знала, где хранят патроны, где прячут еду, где держат пленников. Она знала больше, чем кто-либо на «Рынке». И это было её оружием.

— Лиса.

Она подняла голову. Перед ней стоял Крыс — мелкий, суетливый, с крысиным лицом и вечно бегающими глазами. Он был информатором, как и она, но хуже. Он продавал всё, что знал, и не задавал вопросов. Лиса его не любила. Но он был полезен.

— Что?

— У нас гости. — Крыс оглянулся. — Люди из «Хора». Они ищут Киру.

Лиса нахмурилась.

— Зачем?

— Говорят, у них послание от «Венца».

Лиса встала. Она не спросила, откуда он знает. Крыс всегда знал. Это было его единственное достоинство.

— Где они?

— В третьем складе. Ждут.

Лиса взяла рюкзак.

— Хорошо. Я пойду.

Она шла через «Рынок» и смотрела по сторонам. Ночь была тихой, но это была обманчивая тишина. «Рынок» умел быть тихим перед тем, как стать громким. Лиса знала это. Она видела, как «Рынок» взрывался — когда делили товар, когда кто-то кого-то предавал, когда появлялся новый игрок. Она видела, как люди убивают друг друга из-за патронов, из-за еды, из-за места у костра. Она видела, как умирают. И она знала, что это может случиться с каждым. Даже с ней.

У входа в третий склад стояли двое в белых балахонах. Лиса остановилась.

— Я Лиса. Меня ждут.

Один из них кивнул и открыл дверь.

Внутри стояла женщина. Лет тридцати, с гладко зачёсанными волосами и спокойным лицом. Она была в белом балахоне, но без капюшона. На её груди был вышит символ — круг с семью точками. Лиса знала этот символ. «Хор».

— Сестра Вера, — сказала Лиса.

Женщина улыбнулась.

— Ты знаешь меня?

— Я знаю всех. — Лиса пожала плечами. — Это моя работа.

Вера посмотрела на неё внимательно.

— Ты — Лиса. Информатор. Ты знаешь «Рынок» лучше всех. Ты знаешь, где Кира.

— Может быть. — Лиса скрестила руки на груди. — А может, и нет.

— У меня послание от «Венца». — Вера протянула конверт. — Он просил передать это ей.

Лиса взяла конверт. Он был запечатан воском — тёмно-красным, с оттиском круга и семи точек.

— Что внутри?

— Он не сказал. — Вера улыбнулась. — Но он сказал, что она поймёт.

Лиса повертела конверт в руках. Она думала о том, что может быть внутри. Приказ? Приглашение? Угроза? Она не знала. Но она знала, что Кира должна это увидеть.

— Хорошо, — сказала она. — Я передам.

Вера кивнула.

— Я знала, что ты согласишься.

Она повернулась и пошла к выходу. У двери остановилась.

— Лиса. — Она обернулась. — «Венец» сказал ещё одну вещь. Он сказал, что ты — не просто информатор. Ты — та, кто знает, когда нужно молчать. И когда нужно говорить. — Она помолчала. — Он сказал, что ты понадобишься.

И вышла.

Лиса осталась стоять в пустом складе, с конвертом в руке. Она смотрела на него и думала о том, что «Венец» знает о ней больше, чем она думала. И это было неприятно.

Она нашла Киру в коридоре Станции. Кира стояла у окна и смотрела на стену. Её лицо было усталым, и в глазах было что-то, чего Лиса раньше не видела. Что-то похожее на страх.

— Кира.

Кира обернулась.

— Что?

— У нас гости. — Лиса подошла ближе. — На «Рынке». Только что пришли. Люди из «Хора».

Кира нахмурилась.

— Что им нужно?

— Они ищут тебя. — Лиса помолчала. — Говорят, у них есть послание от «Венца».

Они шли на «Рынок» вместе. Лиса — впереди, быстрая и тихая, как всегда. Кира — за ней, с автоматом на плече. Ночь была тёмной, и только редкие фонари освещали дорогу.

— Лиса, — сказала Кира.

— М?

— Почему ты помогаешь мне?

Лиса не обернулась.

— Потому что ты не врёшь. — Пауза. — И потому что «Рынок» — это не только торговля. Это ещё и люди. А люди должны знать правду.

— Ты веришь в правду?

— Я верю в информацию. — Лиса усмехнулась. — Правда — это информация, которую кто-то хочет скрыть. А я не люблю, когда что-то скрывают.

Кира помолчала.

— А если правда убьёт тебя?

— Тогда я умру. — Лиса пожала плечами. — Но я умру, зная, что не молчала.

Они вошли в третий склад. Вера стояла в центре, и её лицо было спокойным.

— Кира, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Кто ты?

— Сестра Вера. — Она слегка поклонилась. — Я пришла от имени «Венца». Он просил передать тебе это.

Она протянула Кире конверт. Кира взяла его.

— Что внутри?

— Он не сказал. — Вера улыбнулась. — Но он сказал, что ты поймёшь.

Кира сломала печать. Воск треснул, и внутри был лист бумаги. На нём — несколько строк, написанных от руки. Почерк был неровный, будто писавший с трудом владел рукой. «Кира. Они придут за мной завтра. Я знаю. Я не буду сопротивляться. Но перед тем, как они меня возьмут, я должен тебе кое-что показать. Приходи в коллектор до рассвета. Одна. Если приведёшь кого-то — я уйду, и ты никогда не узнаешь правду. — А.»

Кира посмотрела на Веру.

— Он знает, что Станция готовит отряд?

— Он знает всё, что происходит на Станции. — Вера помолчала. — У него есть глаза и уши. Даже здесь.

— И он не будет сопротивляться?

— Он устал, — сказала Вера. — Он ждал тебя десять лет. Он хочет, чтобы ты узнала правду. А потом — пусть будет что будет.

Кира стояла, держа лист в руке. Она думала о Вересе. О Громе. О Станции. Обо всех, кто хотел использовать её — как приманку, как оружие, как ключ. И она думала об Андрее. О человеке, который ждал её десять лет.

— Хорошо, — сказала она. — Я приду.

Вера кивнула.

— Я знала, что ты согласишься.

Она повернулась и пошла к выходу. У двери остановилась.

— Кира. — Она обернулась. — «Венец» сказал ещё одну вещь. Он сказал, что ты не просто ключ. Ты — причина. Всё, что произошло, началось с тебя. И всё, что произойдёт, закончится тобой.

И вышла.

Кира осталась стоять в пустом складе, с листом в руке, и смотрела на стену. Стена была бетонной, серой, и на ней было пятно — старое, тёмное, похожее на карту. Она не знала, что это значит. Но она знала, что должна идти.

Лиса стояла у входа. Она смотрела на Киру и видела, как та читает лист. Она видела, как её лицо меняется — от недоверия к страху, от страха к решимости.

— Что там? — спросила Лиса.

Кира подняла глаза.

— Он хочет, чтобы я пришла. Одна. До рассвета.

Лиса помолчала.

— Это ловушка.

— Может быть. — Кира сложила лист. — Но я пойду.

— Почему?

— Потому что если я не пойду — я никогда не узнаю правду. — Кира посмотрела на неё. — А я устала не знать.

Лиса смотрела на неё. Долго. Потом сказала:

— Тогда я пойду с тобой.

— Он сказал — одна.

— Я не пойду в коллектор. — Лиса пожала плечами. — Я буду ждать снаружи. Если что — я смогу помочь.

Кира помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо.

Глава 6. Рассвет

Вышли, когда небо было серым, как старая простыня. Кира стояла у ворот Станции с рюкзаком за плечами. Рюкзак был старым, с порванной лямкой, которую она подшила суровой ниткой. Нитка была толстой, и узел получился большим, и он давил на плечо. В рюкзаке были аптечка — бинты, жгут, антисептик, несколько ампул с обезболивающим, — две фляги воды, сухпай на три дня и шесть туб с реагентом, которые она не отдала Вересу. Он не спрашивал. Она не объясняла. Между ними давно было молчаливое соглашение: она делает свою работу, он не лезет в её сумку.

Утро было холодным. Над стеной висел туман — густой, белый, он цеплялся за бетон и не хотел уходить. Где-то за стеной каркала ворона, и её голос был хриплым, будто она простудилась. Кира подышала на руки — они замёрзли, пока она шла от казармы до ворот, — и посмотрела на часы. Пять сорок. Отряд Грома должен был ждать за шлагбаумом. Она прове-

рила автомат. Потом проверила фляги. Потом снова автомат. Руки хотели чем-то заняться, и она не мешала им. Она думала о том, что это может быть её последняя вылазка. Не потому, что она боялась. Просто она всегда так думала перед выходом. Это помогало быть внимательнее.

Отряд Грома ждал за шлагбаумом. Семеро. Кира пересчитала их взглядом, пока шла. Гром — впереди, молот на плече, лицо каменное. Он стоял неподвижно, как памятник, и туман вился вокруг его плеч. На нём была тяжёлая куртка, перепоясанная ремнём, и на ремне висели ножны и сумка. Он не смотрел на неё. Он смотрел в сторону Зоны, будто уже был там. Слепой — рядом с ним, с тростью, но шёл уверенно, будто видел дорогу лучше всех. Он был в длинном плаще, который был ему велик, и плащ шевелился на ветру, как живой. Его белые глаза были устремлены куда-то вперёд, и Кира не понимала, что он там видит. Дальше — двое близнецов, которых Кира раньше не встречала. Одинаковые куртки, одинаковые бритые головы, одинаковые ножи на поясах. Один нёс дробовик, второй — арбалет. Они стояли плечом к плечу и смотрели на неё с одинаковым выражением — не то любопытство, не то насмешка. Кира не могла их различить. Потом — женщина лет сорока с обветренным лицом и шрамом на шее. Шрам был длинным, розовым, и он шёл от уха до ключицы. Она держала винтовку так, как держат продолжение руки. Гром называл её «Сова». Она посмотрела на Киру и кивнула — коротко, без улыбки. За ней — парень лет двадцати, худой, с длинными руками и бинтом на запястье. Бинт был грязным, и из-под него выглядывал край раны. Он всё время что-то вертел в пальцах — гайку, кажется. Гайка была большой, тяжёлой, и он перебрасывал её из ладони в ладонь, и она блестела. И замыкал — Тик. Подросток, которого Кира видела на «Рынке». Он нёс сумку с самодельными взрывпакетами и ухмылялся так, будто шёл на прогулку. На его куртке было пятно, которое он не пытался оттереть. Он помахал Кире рукой.

Лиса уже стояла рядом с ними. Она подошла к Кире, когда та приблизилась. На Лисе была та же тёмная куртка, и в карманах у неё что-то позвякивало.

— Познакомились?

— Ещё нет.

— Близнецы — Гвоздика и Штырь. Не спрашивай, кто из них кто. Они сами путаются. Сова — снайпер, лучший в городе. Парень с гайкой — Мелкий, он сапёр, но хуже Корня. Тик ты знаешь.

— А Слепой?

Лиса помолчала. Она посмотрела на старика, который стоял неподвижно, положив руки на трость.

— Слепой — это отдельно. Он не «Сороковой». Он вообще непонятно кто. Живёт в Зоне, ходит где хочет, говорит загадками. Гром его слушает. — Она понизила голос. — И остальные тоже. Он будто чувствует заражённых. Говорят, он сам «Венец», только не до конца.

Кира посмотрела на старика. Тот стоял неподвижно, и его белые глаза были устремлены куда-то в сторону стены.

— Он сказал, что «Венец» меня ждёт, — сказала Кира.

— Слепой много чего говорит.

— Ты думаешь, он врёт?

Лиса не ответила. Она просто пожала плечами и отошла.

Гром поднял руку.

— Слушаем. Идём к реке. Там, за старым мостом, начинаются тоннели. По тоннелям — до четвёртого коллектора. В коллекторе — логово. — Он посмотрел на Киру. — Ты идёшь в середине. Слепой — впереди. Если что — не геройствуй. Ты нам нужна живой.

— Поняла.

— Хорошо. — Гром опустил руку. — Двинулись.

Они вошли в Зону. Первые два часа прошли спокойно. Слишком спокойно. Кира шла между Совой и Мельким, держа автомат у бедра, и считала шаги. Улицы были пустыми.

«Пустых» не было. «Шитых» тоже. Только ветер гонял по асфальту обрывки газет и сухие листья. Газеты были старыми, выцветшими, и на них ещё можно было разобрать заголовки — что-то про выборы, про погоду, про футбол. Кира смотрела на них и думала о том, что где-то когда-то люди читали эти газеты и обсуждали их за завтраком.

Сова молчала. Она шла слева, и её винтовка была направлена вперёд, и её глаза постоянно двигались — от окна к окну, от крыши к крыше. Она была спокойной, как человек, который делает это каждый день. Мелкий вертел свою гайку и иногда поглядывал на Киру, будто хотел что-то спросить, но не решался. На третьем часу Тик догнал Киру и пошёл рядом. Он был ниже её на голову, и его куртка была ему велика, и рукава свисали до пальцев.

— Слышал, ты видела «Венца», — сказал он.

— Видела.

— И он тебя не убил?

— Не убил.

Тик присвистнул. Свист получился громким, и Сова обернулась и посмотрела на него. Тик пригнулся и виновато улыбнулся.

— Круто. А я один раз видел «Шитого» вблизи. Он мне вот здесь, — он показал на плечо, — кожу прокусил. Я думал, всё. А Гром его молотом — хрясь. И нету. — Он засмеялся. — Гром вообще зверь. Он один раз на «Венца» пошёл. Один. С молотом. Вернулся весь в крови, но вернулся.

— И «Венец»?

— Ушёл. — Тик пожал плечами. — Гром говорит, он его запомнил. Говорит, найдёт.

Кира посмотрела на Грома — тот шёл впереди, не оборачиваясь. Его спина была широкой, и молот покачивался на плече в такт шагам.

— А почему он так хочет до «Венца» добраться?

Тик помолчал. Улыбка с его лица исчезла. Он посмотрел на Грома, потом на Киру.

— У него брат был. Младший. Хороший парень, весёлый. Они вместе в Зону ходили. А потом «Венец» вышел из тоннелей. Брат остался прикрывать. — Тик сглотнул. — Гром его нашёл через два дня. Не целиком.

Кира ничего не сказала.

— Гром с тех пор не улыбается, — добавил Тик. — Вообще. Никогда.

Мост через реку был разрушен посередине. Они перебрались по балкам — по одному, медленно, страхуя друг друга. Кира шла третьей. Под ней была вода, тёмная и неподвижная, и в ней что-то плавало. Она старалась не смотреть. Балки были скользкими от влаги, и на них был мох, и Кира шла, глядя себе под ноги. На другом берегу начинались тоннели. Вход был тёмным, широким, с обвалившейся аркой. Изнутри тянуло холодом и сыростью. Кира включила фонарь. Луч выхватил бетонные стены, покрытые мхом, и рельсы, уходящие в темноту. Мох был серо-зелёным, и в нём что-то копошилось — может, насекомые, может, просто тень.

— Дальше — тихо, — сказал Гром. — Слепой, вперёд.

Слепой прошёл вперёд. Он не включал фонарь. Он шёл в темноте, постукивая тростью по рельсам, будто слушал. Звук трости был ритмичным — тук, тук, тук, — и в нём было что-то успокаивающее.

— Чисто, — сказал он через минуту. — Пока чисто.

Они вошли. Тоннель тянулся долго. Кира сбилась со счёта шагов на второй тысяче. Стены давили. Воздух был спёртым, и в нём чувствовался металлический привкус — тот самый, который она почувствовала, когда «Венец» вышел из переулка. Пахло ржавчиной и старой водой. Она остановилась.

— Здесь что-то не так.

Гром обернулся.

— Что?

— Воздух. — Кира вдохнула. — Он был здесь. Недавно.

Слепой остановился. Повернул голову.

— Она права, — сказал он. — Он прошёл здесь. Час назад. Может, меньше.

Гром сжал молот.

— Куда?

— Вперёд. — Слепой показал тростью в темноту. — К коллектору.

Они двинулись дальше, быстрее. Кира чувствовала, как напряжение растёт. Близнецы перестали переговариваться. Сова сняла винтовку с плеча. Мелкий спрятал гайку в карман. Потом они услышали. Не шаги. Не дыхание. Другое. Тихий, ритмичный звук. Будто кто-то царапал бетон — медленно, в такт.

— «Шитые», — прошептал Тик. — Много.

Гром поднял руку. Отряд замер. Из темноты вышли они. Сначала один. Потом второй. Потом ещё и ещё. Десяток. Два. Три. Они выходили из боковых ответвлений тоннеля, из ниш, из темноты — медленно, сгорбленные, с длинными руками, с головами, которые дёргались в стороны, будто принюхивались. Их глаза светились в свете фонарей — бледные, мутные. Кира подняла автомат.

— Не стрелять, — сказал Гром. — Пока не стрелять.

«Шитые» остановились. Они стояли и смотрели. Не двигались. Не бросались. Просто смотрели. Кира почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она слышала их дыхание — влажное, частое, голодное. Она видела их руки — длинные, с скрюченными пальцами. Она видела их лица — искажённые, но в них было что-то человеческое, что-то, что ещё помнило, как быть человеком.

— Они не атакуют, — прошептала Сова.

— Они ждут, — сказал Слепой.

Гром шагнул вперёд.

— Чего ждут?

Слепой повернул голову к Кире.

— Её.

Все посмотрели на Киру.

— Я не...

— Выйди вперёд, — сказал Слепой. — Медленно. Без оружия.

— Ты с ума сошёл, — сказала Лиса.

— Выйди, — повторил Слепой. — Иначе они бросятся. И тогда мы все умрём.

Кира посмотрела на Грома. Тот смотрел на «Шитых», потом на неё. Его лицо было каменным.

— Иди, — сказал он. — Но если что — стреляю.

Кира опустила автомат. Сделала шаг вперёд. Потом ещё один. «Шитые» не двигались. Они смотрели на неё — все, одновременно. Их головы перестали дёргаться. Они просто смотрели. Кира сделала ещё шаг. И тогда один из них — низкий, с разодранной шеей — поднял руку. Медленно. Показал на тоннель впереди. На темноту. Будто приглашал. Кира остановилась.

— Они хотят, чтобы я шла дальше, — сказала она.

Слепой кивнул.

— Он ждёт.

Гром подошёл к ней, положил руку на плечо.

— Мы идём все вместе. — Он посмотрел на «Шитых». — Если они тронут кого-то из нас — стреляем.

Отряд двинулся вперёд. «Шитые» расступились. Они стояли по обе стороны тоннеля, и когда Кира проходила между ними, она чувствовала их дыхание — влажное, частое, голодное.

Но они не двигались. Один из них — тот, что показал на тоннель, — посмотрел на неё в упор. Его глаза были мутными, почти белыми. И в них Кира увидела не голод. Увидела страх.

Глава 7. Гром. Зона

Лагерь «Сороковых» стоял в руинах старого завода. Гром сидел на бетонной плите у костра и смотрел, как огонь лижет ржавый край бочки. Бочка была старой, пробитой в двух местах, и из неё сочился дым — тонкий, серый, он уходил вверх, к обвалившейся крыше, и там растворялся в полумраке. Завод был большим. Когда-то здесь плавили металл — теперь от цехов остались только стены, и в этих стенах жили люди. Человек сорок. Может, больше. Гром не считал. Он знал каждого в лицо, но не считал — потому что каждый день кого-то не досчитывался.

Утро было холодным. На бетоне лежал иней, и Гром чувствовал, как холод пробирается сквозь куртку. Он не двигался. Он грел руки о кружку с кипятком — кружка была железной, и от неё шёл пар. Рядом лежал молот. Молот был тяжёлым, и его рукоять была обмотана кожей, которая от времени стала гладкой и блестела. Лагерь просыпался медленно. Где-то за стеной завода кто-то кашлял — долго, надрывно, будто выкашливал лёгкие. Кто-то тащил ведро с водой — оно скрипело, и вода плескалась. Кто-то ругался — тихо, без злобы, просто чтобы выпустить пар. Гром смотрел на огонь и думал о том, что сегодня будет ещё один день. Ещё один день, который нужно пережить. Ещё один день, который может стать последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.